

Дождь

Наиля напевала невеселую мелодию, поливая цветы во дворе из стеклянного чайника. Услышав настойчивый дверной звонок, она поспешила открыть; на пороге стоял молодой рабочий, который срывающимся голосом сообщил, что Казим Аль-Хамави, ее муж, потерял сознание у себя в магазине, скорая повезла его в больницу, но он скончался до прибытия туда. Чайник выскользнул из рук Наиля и упал на землю, разбившись вдребезги, а она стояла, сбита с толку, широко открыв глаза. Ее сковало безмерное горе, не позволявшее ни заплакать, ни закричать, ни схватиться за голову и рвать на себе волосы. Ее охватила тоска, и она осела на холодную землю, не замечая стоящее рядом мягкое кресло. Вдруг Наиля в глубоком благоговении склонилась над землей, поцеловала ее, подняла взгляд к небу и крикнула: “О Аллах, ты велик!”

Несчастья как будто обладают собственной непостижимой магией, которую трудно объяснить: когда Наиля оседала на землю, она была обычной тридцатилетней женщиной, но, стоило ей подняться на ноги, она словно помолодела на десять лет, с ее лица сошел желтый оттенок и кожа порозовела. Она поспешила на кухню, где вылила в раковину оливковое масло, добавив к нему топленое масло и уксус, и высыпала на пол булгур, рис, чечевицу, перец, тимьян и соль, словно после смерти мужа ей больше не нужно будет есть. Выйдя из кухни, она металась по комнатам, собирала все, что было у мужа из одежды, и резала на мелкие кусочки, после чего выбросила всё это на улицу и подожгла. Наиля уничтожила все фотографии мужа, так как верила, что подражание Создателю – это богохульство, и своими действиями женщина вырвала греховную страницу из прошлого мужа.

Из-за постигшего ее горя Наиля забыла надеть черную накидку и поэтому на похоронах шла с непокрытой головой позади погребальных носилок с мужем; ее длинные черные волосы окаймляли лицо и струились по

плечам, приподнимаясь от дуновения ветра. Она не стала покупать черное как смоль платье, стараясь тратить деньги мужа только на праведные дела или благотворительность, поэтому надела узкое и короткое платье красного цвета, которое открывало ее молочно-белые колени, как бы она ни старалась спустить его пониже. Наиля шла медленно, и от вида изгибов ее ног мужчины томились и не могли спать по ночам. Когда траурная процессия приблизилась к месту погребения и покойного положили в могильную яму, засыпав ее землей, Наиля поддалась эмоциям и издала радостный возглас (хотя ей самой казалось, что она рыдает), переросший в всхлип: "Казим, как ты мог уйти и бросить меня?"

Казим словно был веткой, отрезанной от неведомого дерева: у него не было никаких родственников, при этом он был богатым, не доверявшим банкам или купюрам, — всё, что у него было, он превращал в золотые лиры и прятал их дома в местах, о которых жена прекрасно знала. Он владел большим магазином, в котором продавались всевозможные виды тканей, в том числе и самые дорогие, — Наиля быстро, как будто скоро собиралась уехать, продала его вместе со всем, что в нем было. Она не уезжала насовсем, но и жить в этом доме, свидетеле многих приятных моментов их жизни и немногих невзгод, больше не могла. Женщина продала его и купила другой, больше и роскошнее прежнего, чтобы в него вмещались их общие с мужем воспоминания; она обставила дом новой мебелью от пола до потолка. Туда не переставая приходили женатые и холостые мужчины, чтобы выразить соболезнования женщине, не забывшей своего умершего мужа.